

Зов предков

Николай Дубихин

Авк не помнил своего рождения. Словно очнулся от долгого тяжелого сна.

Он обнаружил себя в упругом просторном коконе. Огромный мир смотрел на новорожденного из-за мягких полупрозрачных стен. Там проносились гигантские тени, а где-то далеко вверху маячило мутное пятно, источавшее слабый свет.

Первые дни Авк только и делал, что ел и спал; вязкая жижа, в которой покоилось его тело, была теплой и вкусной. Безмятежность окутывала, пеленала, баюкала, как заботливая мать; казалось, мир — это само спокойствие, сладкое ленивое забытьё.

Но вскоре, когда почти сформировались глаза, а пленка кокона заметно истончилась, Авк обнаружил, что тут он не один такой. Рядом, слипшись друг с другом, плавали сотни таких же коконов, внутри которых оживали маленькие гибкие тела — его братья и сестры. Это обрадовало Авка — теперь он не одинок. Еще немного, показалось ему, и он, вырвавшись на свободу, встретится с такими же, как и он сам. То же чувство — нетерпение — испытывали и другие, его братья и сестры: они раскачивали свои коконы, ударялись об их стенки, однако прозрачная пленка пока не поддавалась, спасая хрупкие жизни от преждевременного шага.

Но однажды случилась беда, и с того дня Авк понял, что не все в жизни так прекрасно и чудесно. Этот страх остался в нем, тогда еще беспомощном, навсегда.

Все произошло очень быстро. Он безмятежно отдыхал, насытившись, как вдруг мимо него пронеслась тень неведомого существа. На миг Авк увидел огромные немигающие глаза, раскрытую пасть, в которую запросто поместились бы десятки таких же, как и у него, коконов. Леденящий ужас сковал Авка — он не мог шевельнуться, только смотрел... Чудовище сделало круг в мутном пространстве и упало вниз, туда, где лежала прозрачная белесая живая гора. Беззубый рот открылся, рванул массу со всей силы и то, что смог оторвать, сразу же проглотил. Кокон Авка закачало как от сильного ветра, пленка, склеивающая коконы, лопнула и понеслась вверх неправильными шариками. Чудовище резко ушло в сторону, подняв еще большую волну густого воздуха. Стало необыкновенно тихо. Только еле раскачивающийся, словно в замедленной съемке, кокон, рядом с которым, как листья, опадали полупрозрачные кусочки бывших жизней.

С тех пор он стал бояться наружного мира. Поэтому, когда в положенное время кокон лопнул, Авк не спешил выбираться из него. К тому моменту он значительно подрос, окреп, чувствовал в себе силы, но страх мешал выйти. И лишь когда голод заявил о себе в полную силу, Авк медленно выпорхнул в мутный тягучий воздух. Задохнулся на секунду, потом полетел, нырнул вниз и, стелясь над самой землей, наконец спрятался в тень гигантского зеленого листа. Замер, ожидая погони неведомого хищника. Однако вокруг было спокойно, и тогда Авк позволил себе выглянуть из убежища и осмотреться.

То, что он, уже не стесненный стенками кокона, увидел, поразило его, заставив на время забыть о страхе. Мир действительно огромен — настолько, что не хватит и тысячи глаз, чтобы увидеть и объять все сразу!.. Авк находился под деревом, гигантские ветви которого, усыянные листвой, уходили вверх, где терялись в пыльной дымке. Все огромно. И вскоре Авк понял, что в этом мире

все должно быть огромным, и сразу привык к этому. И те горы, лежащие вдалеке, и тот синеватый лес, что растет справа, густой, медленно раскачивающийся под неторопливыми порывами ветра. Песок внизу крупный, блестящий. Блестящий потому, что далекое солнце, зависшее в бездонном небе, бросает лучи во все стороны — тысячи огненных стрел, пронзающих мир. Воздух переливается блестками, шары неведомого газа поднимаются из расщелины, отражая на своих боках солнце. И повсюду кипит жизнь. Сотни таких же, как он, Авк, черных продолговатых существ бесшабашно режутся в воздухе. Странно, как им не страшно? Так думал Авк, глядя на них.

Мимо пролетел маленький продолговатый шарик. Он был настолько легок, что летел без крыльев, подхваченный слабым ветром. Живо шарик — красненький, бессознательно болтает лапками, слепая морда хватает воздух. Авк подлетел поближе, пригляделся. Обнаружив опасность, шарик замер, сжал лапки, превратился в неприметную песчинку. «Притворяется!» — догадался Авк и, чувствуя голод, открыл рот. Проглотил. Оказалось — вкусно!

Рядом он заприметил еще несколько шариков — все как на подбор аппетитные, влекущие. И тут понял: вот почему они не прячутся — охотятся! И стал проглатывать их одного за другим.

Насытившись, он снова спрятался под лист, но уже неторопливо, вяло. Выглянул, вновь посмотрел на мутное небо. И вдруг странное желание возникло в нем. Он представил, как мчится навстречу солнцу, свободный, быстрый, как взлетает к самой вершине мира, туда, где трепещет пульсирующей жилкой огненное великолепие — горячий пылающий цветок жизни. Ощущение скорости, безумного полета!.. Авк почти поддался странному внутреннему зову, но тут вспомнил страшные немигающие глаза. Наваждение схлынуло, осталась неприятная дрожь во всем теле — будто что-то не успел, не совершил.

Жизнь потекла своим чередом. Авк питался красными шариками, пробовал есть еще синие и зеленые листья, но те, хоть и оказались съедобными, были на редкость пресными, невкусными. Старался не высовываться далеко, огромный лист стал его домом. Часто смотрел на небо. Да, туда, в прозрачную вышину, Авка тянуло все сильнее. И он давно бы отважился пуститься в полет (хотя бы посмотреть, где кончается его дерево), но страх сковывал волю. Там, в сверкающей высоте, проплывали странные гигантские тени...

Однажды Авк столкнулся с сородичем. Тот никак не мог вытащить из земли бежевого извивающегося червя. Авк помог, и вместе они быстро справились с добычей. Тут и познакомились. Куи был старше Авка, крупнее, с более смелыми и широкими взглядами на жизнь. Когда Авк заявил, что повсюду подстерегают опасности, Куи только отмахнулся:

— Брось ты! Как же жить, если всего бояться?

— Да, но могут и съесть!

— Всегда кого-нибудь съедают. Ты вот тоже кого-то ешь.

— Да, но все равно не хотелось бы попасть на ужин к какому-нибудь чудищу.

— Это же эволюция, брат! Если никто никого не будет съедать, все умрут с голода. Поэтому все едят, но выживают только сильнейшие.

— Более осторожные?

— Запомни: жизнь в постоянном страхе — не жизнь, а мучение. Нужно тренировать себя, закалять волю. Вот, например, у тебя есть заветная мечта, которую страшно исполнить?

Художник П. Перевезенцев

ФАНТАСТИКА

— Есть, но... Я всегда мечтал увидеть верхушку моего дерева, под которым живу. Но там так опасно, эти тени...

— Ну и что тогда ты сидишь? Полетели! — Куи выпорхнул и завертелся в воздухе.

— Ты думаешь, это хорошая мысль?

— Самая хорошая.

Авк неуверенно взлетел, Куи ждал его, забавно извиваясь в воздушных потоках.

— Смотри, сегодня отличный день, как раз подходит для исполнения желаний. Ну что, вперед? Догоняй!

Не успел Авк ответить, как Куи сорвался с места, помчался по спирали вверх вокруг зеленого ствола и раскидистых мясистых листьев. Ничего не оставалось, как ринуться следом. И тут Авк вновь ощутил, как внутри него зажегся некий огонь. То, что, прячась, жило в душе, будто за шторами животного страха, заклокотало, готовое выплеснуться наружу. Это открыло, добавило уверенности. Закружилась голова, воздух хлестал по телу, хотелось лететь все быстрее и быстрее, забыв обо всем на свете.

— Ого, разошелся! — воскликнул Куи, когда Авк не только догнал его, но и пошел на обгон.

— Я счастлив, Куи! Как же чудесно!

Они остановились, лишь когда достигли макушки дерева, увенчанного порослью молодых (и, как выяснилось позже, сладких) листьев. Отсюда все казалось по-другому. Земли не видно, даже горы выглядят призрачными, ненастоящими, все в дымке. То тут, то там из мути вырисовываются стволы деревьев-великанов, уходящих в высоту. Земля исчезла, зато небо теперь еще ближе, развернулось во всю необъятную ширь. И воздух там, в вышине, — прозрачный, чистый.

— Ты знаешь, что наш мир состоит из двух слоев воздуха? — спросил Куи.

— Как это? — удивился Авк и сорвал нежный сочный лист.

— Первый, нижний, слой — густой, вязкий, наполненный пылью. Мы сейчас в нем. Здесь все умеют летать, ведь это несложно: плотность воздуха высока и хорошо держит даже бескрылых тварей.

— А второй слой? — Авк надкусил лист, и сладкий сок брызнул во все стороны.

— Второй — совсем другой, сухой, горячий. Мы не смогли бы там летать, разве что ползать по земле как червяки.

— Странно... Если там так плохо, то почему меня тянет вверх? Неудержимо!

— Тебя тоже? — усмехнулся Куи. — Не знаю. Видимо, это предначертано судьбою. Зов предков. Они живут в нас — отважные и гордые герои, готовые совершить подвиг во имя великой цели.

— Герои?

— Точно. То, что заложено предыдущими поколениями, взывает к нам, и мы не в силах противиться их воле.

— Зов предков?

— Да, именно. Некоторые называют это врожденным инстинктом, но название «зов предков» мне нравится больше. — Куи долго смотрел в небо, затем добавил: — Когда-нибудь мы сможем подняться выше первого слоя, проникнуть в святая святых бытия. Там, говорят, мир совсем иной, другие законы, даже дышится по-другому. Может, не зря нас туда тянет? Возможно, нам откроется что-нибудь такое, о чем мы даже не подозреваем.

— Куи, осторожно! — вдруг закричал Авк.

Мелькнув совсем близко, черная тень превратилась в огромное блестящее тело. Хлопнула пасть, но Куи ловко увернулся. Чудовище осталось ни с чем: промахнувшись, не успело затормозить и пролетело мимо, как комета.

— Уходим вниз! — опомнился Куи.

Однако чудовище пошло на разворот, делая большую дугу вокруг дерева. Теперь Авк рассмотрел его как следует. Что поразило, так это чешуя. Казалось, чудовище заковано в блестящие доспехи. Чешуйки плотно прилегают друг к другу, поэтому и сомнений нет — оно неуязвимо. И еще: огромные немигающие глаза, круглые, желтые, голодные; пасть усеяна рядами крепких крошечных зубов; красноватые крылья легко отталкивают воздух, создавая огромную скорость; раздвоенный хвост... Машина убийства, мощная, непобедимая!

— Авк, уходим!

Они помчались вниз, огибая на скорости ветви и почти не разбирая дороги. Хищник было пропал, но шестое чувство подсказывало, что тот близко. И тут Авк вдруг ударился обо что-то большое и холодное. И его сковал ужас: оказалось, он врезался в само чудовище, которое преследовало их по пятам. А Куи — он куда-то пропал.

— Нет! Не может быть! — не помня себя, закричал Авк.

Чудовище удивленно глянуло на него и даже приоткрыло рот. А Авк завопил — желание отомстить за погибшего друга придало ему сил:

— Мои предки были героями! Да! — И с разбегу ударил головой в страшный пульсирующий глаз. Чудовище отпрянуло, из его открытой пасти выпало измятое, искореженное тело.

— Куи, ты как? — Авк подхватил его, медленно понес вниз, не обращая внимания на застывшего хищника, из глаза которого сочилась мутная кровь.

— Пропал я, Авк, — прохрипел Куи. — Чертова эволюция, будь она проклята... Послушай, пообещай мне...

— Что?

— Я уже не могу идти на зов. Предки помнят героев. Ты сделаешь это? Пообещай мне, пообещай, что выберешься наверх. Нужно все-таки узнать, что там такое.

— Да, конечно. Я обещаю...

Вечером Куи умер. Позже Авк часто размышлял о своем обещании. Он становился все сильнее, рос на глазах. С ненавистью смотрел на небо, копил силы для последнего броска. Зов предков звучал все громче. Это был набат, который звал и звал.

Прошло время, и вдруг Авк отметил, что чудовища уже не выглядят такими огромными и страшными, как прежде, а мир вокруг стал привычным и даже слегка однообразным. Авк не мог больше ждать.

Оттолкнувшись всеми четырьмя перепончатыми крыльями, он взмыл вверх, мощно, сильно, под стать тем древним, о которых слагали легенды. Все выше и выше неся он, словно Икар, решившийся достичь солнца. И вот она, пленка, разделяющая два мира! Авк пробурлил ее, и тут... Сухой воздух не удержал его, и он рухнул на верхушку исполинского дерева, берущего свое начало еще из нижнего слоя.

— О боже! — вырвалось из груди.

Такого Авк еще не видел. Далекое небо, четкое, синее, аж захватывает дух. Деревья, которые в тысячи раз больше, чем в нижнем мире, достают до небес, стоят неприступной стеной. Воздух — обжигающий, холодный, однако прозрачный и легкий.

— Да, ради этого стоило!

И Авк ощутил, что чувства буквально разрывают его на части. Он набрал воздуха в легкие и, как мог, запел. Песня вышла громкая, победная. Боль и отчаянье, безбрежная радость и великое счастье...

Два человека удивленно таращились на выползшее существо.

— Смотри, — сказал один, — сумасшедшая жаба! Не сезон, а она разошлась.

— К теплу, — ответил второй.

На прозрачном безоблачном небосводе тихо искрилось спокойное солнце. А из маленького болотца, заросшего осокой и камышом, надрывно звучало одинокое кваканье.